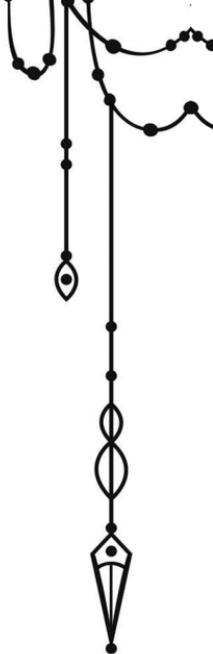

«Эти истории – о тебе и обо мне.
В них тебя встретят:
– девочки, которые убивают;
– девочки, которых убивают;
– живые девочки;
– и девочки, существующие по-иному».

ЭЛИС НИР,
«Страшные истории для девочек Уайльд»,
вольный перевод

ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН

КОГДА НЕ ГОРЯТ КОСТРЫ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М79

Иллюстрации на обложке и форзацах
Percival Liebe

Дизайн переплёта
Радия Фахрутдинова

Макет
Кати Петровой

Морган, Джезбел.

М79 Когда не горят костры / Джезбел Морган. —
Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-203629-3

Для тёмного времени года есть свои истории:
О тайнах, скрытых на дне океана.
О жертвах, которые приносят в самую короткую ночь.
О богах, поселившихся в виртуальном мире.
О Мари Луид, которая собирает долги с тех, кто заклю-
чил сделку с фейри.
О душах, пробуждающихся в Самайн.
И конечно, о том, что надежда всегда сильнее любого
страха.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

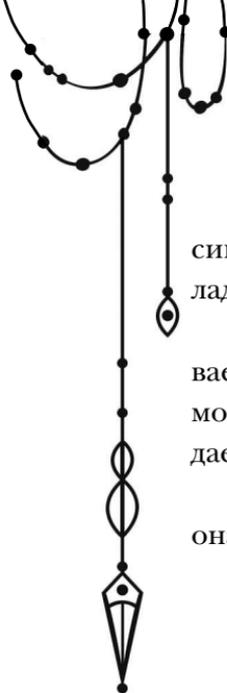
ISBN 978-5-04-203629-3

© Морган Дж., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

В канун Хеллоуина жена моего отца печёт пироги души – круглые, мягкие, с орехами, сушёными ягодами, с яблочным джемом. Она раскатывает тесто, и мука поднимается в воздух, и сквозь белёсую завесу проникают лучи света, ореолом окружая её лицо. Печь уже жарко натоплена, на кухне пахнет корицей и бадьяном, ванилью и кардамоном. Для праведной христианки слишком хорошо разбирается в специях – она, жена моего отца.

Я рядом. Отщипываю кусочки от теста, разминаю аккуратно, щедро добавляю ягод – горькой рябины и сушёного шиповника. Пока жена моего отца не видит – стягиваю со стола нож, которым она крест-накрест надрезает пироги. Я же режу не мягкое безответное тесто – свою плоть, бестрепетно провожу сталью по подушечке большого пальца. Слёзы брызгают одновременно с кровью, но я молчу, молчу. Жена моего отца не должна ничего заметить.

ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН

Красные капли среди красных ягод — это даже красиво. Пирог души отправляется в печь — кругленький, ладненький, желанное лакомство, да не для людей.

Она всё равно замечает. Вздыхает кротко, промывает и перевязывает ранку, мягкой рукой проводит по моим волосам, и на чёрных косах белой вуалью оседает мука.

— Осторожнее, Бригитта, — чуть нараспев говорит она, — будь осторожнее.

Она слишком добра, жена моего отца.

Но мне не нужна её доброта.

Меньше года отец горевал по матери, сколько бы она ни плакала, ни выла под окнами. Несчастливая моя мать скулила у дверей, царапала косяки, оставляя на дереве глубокие борозды, заглядывала в окна, и тогда глаза её мягко светились, как две луны, скрытые рваными лохмотьями облаков. Я хотела впустить её, но отец запрещал мне, говорил, что лишь буря бушует за стенами, ветер воет, да в лживом свете луны тени деревьев скребутся по стёклам.

Мои слёзы так и не растопили его сердца, так и не убедили сжалиться и впустить матушку в дом, в тепло, к тлеющему огню в очаге. Он твердил и твердил, что мать умерла, что лежит, она, тленная, под толщей земли и серый камень давит ей на грудь.

Он врал. Я точно знаю, он врал.

Мать приходила с туманами и сумерками, ночь непролет стояла за моим окном, хранила мой сон, как берегла его раньше, сидя у кровати, слушая моё дыхание, нащёптывая сны. Она приходила в солнечные дни — стылой тенью, влажным вздохом ветра в лицо.

ЖЕНА МОЕГО ОТЦА

Она была рядом, она тянула ко мне тонкие руки, но не могла ни обнять меня, ни коснуться.

Отец выкинул её из жизни, выкинул из памяти, а я оказалась слишком мала и слаба, чтобы впустить её, чтобы согреть её. И матушка стала отражением луны в толще вод.

А затем отец привел в дом её, такую тёплую, мягкую, живую, совершенно не похожую на бедную матушку, плачущую ночами у моего окна. Она зажгла свечи, вымела сор, стряхнула пыль с нашей горестной жизни.

Она стала женой моего отца.

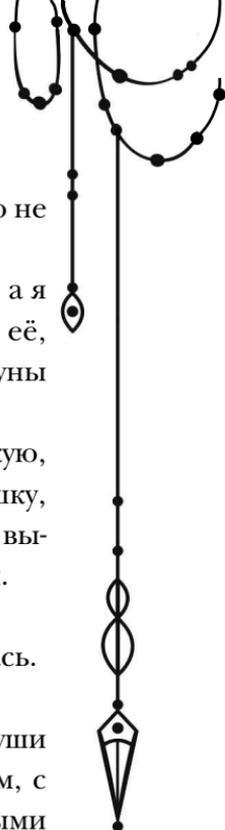
И в её мягком сиянии тень матушки растворилась.

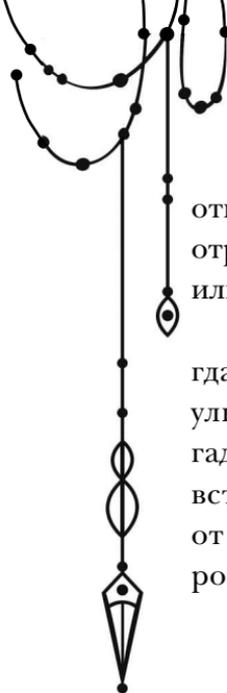
Стоит большого труда дождаться, когда пирог души запечётся, поспеет, подрумянится, станет хрустким, с потрескавшейся корочкой, в которой драгоценными камушками краснеют ягоды, под которыми драгоценной жертвой краснеет кровь. Но я научилась быть терпеливой. Я не мешаю жене моего отца, я слушаю её тихие песни, приношу ей пряности и ягоды, муку и орехи.

Дождаться этой ночи было сложнее.

Пока мои сверстники украшают дома, вырезают на тыквах страшные гримасы, выбирают маски, мастерят костюмы, пока смеются и шутят, пока радуются и живут — я изображаю радость и жизнь. Вместе с женой моего отца украшаем дом: она — свечами, тыквами и гирляндами костяных бусин, я — кружевом паутины, светящейся белизной куколок-призраков и веточками рябины. Отец же сидит у камина, улыбается довольно, он не чувствует ядовитой горечи в приторном счастье нашей жизни.

— Кем ты нарядишься, Бригитта? — спрашивает жена моего отца, когда последняя порция пирогов

ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН

отправляется в печь и она довольно выпрямляется, отряхивая муку с мягких округлых ладоней. — Ведьмой или призраком? А может, тёмным жнецом?

Матушка никогда не рядилась на Хеллоуин, никогда не ходила в канун Дня Всех Святых по соседям, улыбаясь по-змеиному, требуя сладостей и грозя гадостями. Самую таинственную ночь в году она встречала, не пряча лицо под маской, не прячась от чужих взглядов, даже если глядят они с той стороны.

Она и меня этому научила.

Но я не говорю об этом жене моего отца — это слишком кощунственно, обсуждать мою матушку с ней. Остается улыбаться и отвечать, как отвечала бы гостям из пустых холмов — мешая правду с ложью, не говоря ни того, ни другого.

— Мой костюм страшнее, но никто из соседей не сможет узнать, кем же я нарядилась.

— Вот как? А покажешься ли нам с отцом в этом костюме, Бригитта?

Она так пытается отогреть меня добротой и участием, нежностью и тактичностью, что обжигает до волдырей. Остается только пятиться в тень и молчать, молчать на все вопросы.

Не дождавшись ответа, она отступает.

Когда часы на городской ратуше бьют шесть, из оврагов начинает подниматься туман, густой, белый в синеву. Ветер проносится по улицам, словно проверяя, насколько хорошо горожане украсили дома и сады, закручивает в вихрь жёлтые и красные листья, стучит костями развешанных скелетов, путает гирлянды, рвёт туманную кисею. Солнце медленно опу-

ЖЕНА МОЕГО ОТЦА

скается в матовую дымку облаков, наливается ржавой краснотой, что твоя рябина у крыльца.

Мягкий бархат неба ещё не успевают усыпать колючие осенние звёзды, когда зажигаются звёздочки на земле — мягкие, тёплые, трепещущие. Это теплятся огоньки свечей на подоконниках и в тыквах-джеках, на перилах веранд и в руках ряженных детей.

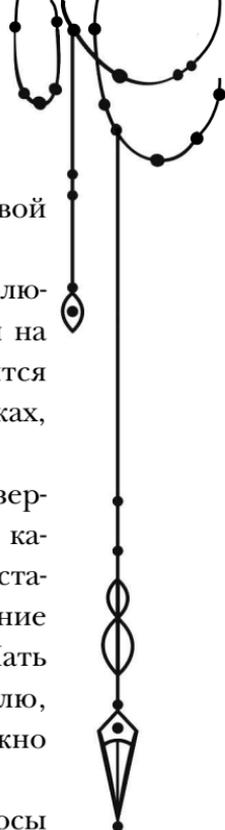
Свечи в своей комнате я задуваю. Отражение в зеркале перечёркнуто длинной тонкой трещиной, и кажется, что если долго-долго смотреть на неё, она станет чернее и шире, пока не поглотит всё отражение и меня вместе с ним. Но я не смотрю в зеркало. Мать учила, что на эту ночь отражение обретает волю, и если неосторожно взглянуть ему в глаза, то можно лишиться власти над собой.

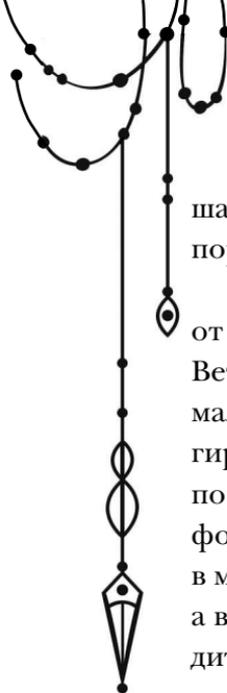
Расплетаю косы, долго вычёсываю их, пока волосы мягким плащом не укрывают спину. Холодный серебряный крестик ложится на столик у кровати, рядом с Библией, покрытой толстым слоем пыли. Колючий венок из сухих веточек, виноградной лозы и кистей рябины венчает меня короной. Не нужно мне ни маски, ни костюма, чтоб скрыться от гостей из полых холмов или с другой стороны реки. Сегодня я одна из них.

Сегодня я иду повидать мать.

Пусть сверстники смеются и шутят, объедаются липкими конфетами, мягкими пирогами, нежными зефирками, пусть чествуют Хеллоуин, усыпанный кривыми ухмылками тыквы-джека. Я же иду навстречу Самайну, и пути наши не пересекутся.

Тихо и незаметно выскальзываю из дома, в одной руке у меня фонарь, другой же я прижимаю к груди гостинец для матери, пирог, что пекла сегодня, укра-

ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН

шая ягодами, приправляя кровью. Чем же ещё мне её порадовать, замёрзшую и забытую?

Я спускаюсь по тихим мощёным улочкам, прочь от центральной площади, от ярмарки и праздника. Ветер утих, и туман поднимается выше и выше, обнимая и дома и деревья, пряча огоньки свечей, яркие гирлянды, разноцветные листья под ногами. Я бреду по колено в белёсой дымке, плыву над ней, и огонёк фонаря в моей руке крошечной звёздочкой светит в молочном мареве. Стылый холод течёт по воздуху, а высоко над головой, под самыми облаками ветер гудит и воет, как рога Дикой Охоты.

Ю

Брусчатка скользит под туфельками, подбитые каблучки едва слышно цокают по камням. Мне холодно, как же мне холодно, матушка никогда не предупреждала, что в ночь Самайна воздух настолько стылый, что дыхание густым облаком вырывается изо рта и только множит туман. Моя единственная искра тепла — пирог души, прижатый к груди, ещё хранящий в себе память о жаре печи. Я крепче и крепче сжимаю его, фонарь в руке дрожит, и неровный круг света пляшет вокруг меня.

Смутные тени маячат впереди, двигаются медленно и величественно, то ли деревья степенно качают ветвями, то ли гигантская тварь, рогатый хозяин лесов вышел к городской околице, привлечённый шумом праздника и пряными ароматами тыквенных пирогов. Тени носятся вокруг меня, смутные, размытые, пытаются схватить, удержать, не пустить. Вздохи и стоны за моей спиной, чужие руки тянутся ко мне, но не могут и плеча коснуться. Слышу протяжное «стой», слышу отчаянное «не иди», но морокам меня не напугать. Рябина в колючем венце надёжно защищает меня,

ЖЕНА МОЕГО ОТЦА

красные горькие ягоды никому не позволят причинить вред — так матушка учила меня, так и будет.

Этой ночью я иду к ней, я несую ей тёплое лакомство, чтоб дало оно ей сил вернуться в наш дом и прогнать жену моего отца.

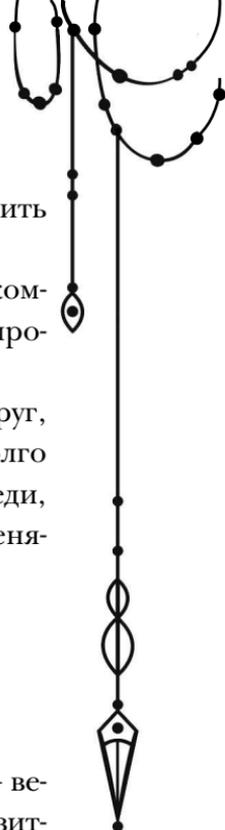
Фонарь гаснет в руке, и ветер взывает вокруг, вздохом-хохотом разрывает завесу тумана, ненадолго обнажая холодную синеву густых сумерек. И впереди, там, где дорога сбегает к оврагам, а брусчатка сменяется песчаной насыпью, стоит моя матушка.

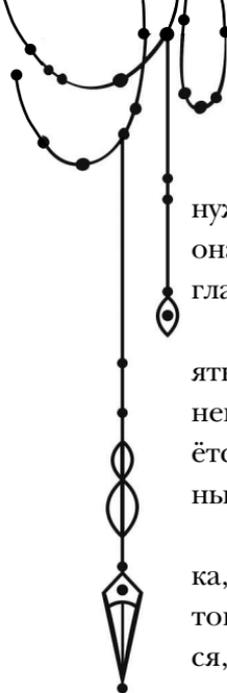
И я иду к ней.

* * *

Лампы мигают, и Мария хмурится недовольно — ветер сегодня такой, что того и гляди непогода разразится. В бурю при свечах-то сидеть удовольствие небольшое. Но сейчас, пока канун Дня Всех Святых в разгаре, свечи только в радость, а пламя в камине так уютно, так вкусно потрескивает берёзовыми поленьями.

На тяжёлом кухонном столе в мисках лежат сласти — и кругленькие пироги души, щедро усыпанные ягодами и цукатами, и леденцы, разноцветные, блестящие, как стёклышки, окатанные морем, и кексы с шоколадной начинкой. Мария смотрит довольно — ей в удовольствие возиться с выпечкой, перетирать специи, соединять простое, чтоб получить сложное, сладкое, необычное. Малая часть божественного творения, доступная женщинам, — лишь подобие великого, но Мария большего и не просит. Мысли её просты: вернётся Бригитта, будет хвалиться добычей, не чувствуя в детском восторге оков холода на руках и ногах, и потому

ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН

нужно согреть молока с корицей и имбирём, чтоб пила она, грела ладони и оттаивала, розовея щеками, блестя глазами.

Как бы хотела Мария, чтоб так же легко могло оттаять и сердце маленькой падчерицы! Но она безукоризненно вежлива, равнодушна и холодна. Только и остаётся, что ждать да читать ей псалмы — раз недостает верных слов Марии, может, найдутся такие у царя Давида.

Когда она заканчивает перетирать специи для молока, ветер уже бушует со страшной силой, и начинают тонко дребезжать стёкла в рамах. Непокойно делается, дрожат огоньки свечей. В каминной трубе гулко и страшно воеет эхо, словно кто-то подшутить решил, да и вставил в щели бутылочные горлышки. Замирает Мария, смотрит на руки, на специи в ступке — чудится ей голос в ветре, женский голос, что повторяет и повторяет одну и ту же фразу, а какую — не разобрать.

Муж дремлет в гостиной с книгой в руках, ему спокойно, сытно и тепло, он не замечает хеллоуинской бури, как не замечал и тоску дочери, а до того — болезнь жены. С подступающей ночью Мария один на один.

Лампы мигают и гаснут, свечи истаивают одна за другой, оставляя только тонкие росчерки дыма. Ветер стучится в окна и двери, ломится в дом, но запоры крепки, и крест на стене не позволит никому злу просочиться внутрь. За окном скулит, воеет так отчаянно, нечеловечьи, так разумно, как не может быть и скулить всего лишь разгулявшийся ветер. Холод обнимает шею Марии, проскальзывает за шиворот, и она зажмуривается и молится, повторяя и повторяя «Pater noster», намертво въевшееся в разум ещё в детстве.

ЖЕНА МОЕГО ОТЦА

Когда старые часы в холле бьют девять раз, по стеклу стучат. Тук-тук. Тук-тук-тук. Так не могут стучать ветви, да и не растут деревья так близко к дому. Тук-тук. Подойди, Мария. Посмотри, кто пришёл к твоему дому, посмотри, кого сдерживают не двери и запоры — крест на твоей стене. Тук-тук. Тук-тук-тук. Или ты боишься, Мария? Что ж не боялась, когда хозяйкой вошла в этот дом, дом ведьмы?

Тук-тук.

Тук-тук-тук.

Мария сбивается, слова раскатываются с языка, непослушными бусинками разбегаются из-под пальцев — из памяти, стоит только потянуться за ними. Она немеет — всего на минуту или меньше, но этого достаточно, чтоб разобрать скрипучий человеческий шёпот среди завывания ветра.

Тук.

«Мария...»

Тук-тук-тук.

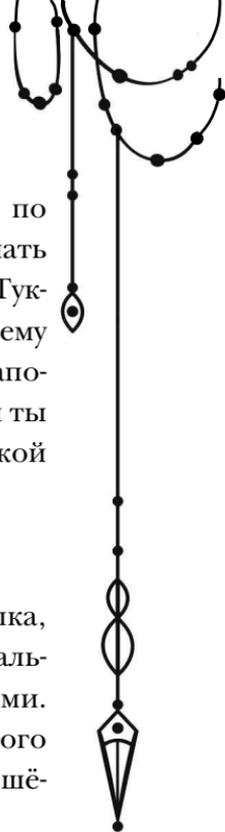
«Послушай меня, Мария...»

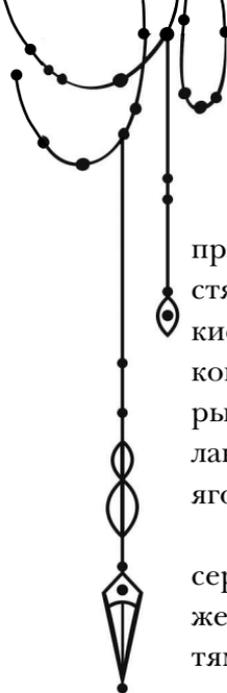
Тук-тук.

«Впусти меня...»

Сжав прохладной ладонью деревянный крест на груди, Мария подходит к окну, отдёргивает шторы, не позволив себе усомниться и испугаться. Сегодня канун Дня Всех Святых, сегодня может быть что угодно.

Мария никогда не видела мать Бригитты, не было ни чёрно-белых фото с нею, ни портретов, да и муж отвечал на вопросы уклончиво, а сама Бригитта враждебно молчала, и Мария смирила своё любопытство. Но сейчас Мария узнаёт её с первого взгляда — мёртвую Бадб.

ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН

Она стоит — у самых окон, высокая, неестественно прямая, чёрные волосы плещутся на ветру рваным стягом, и вороны перья мелькают в них. Руки — тонкие, исхудалые, нечеловечьи длинные, с загнутыми когтями хищной птицы. А лицо — худое, белое, острый подбородок, узкие губы, и над ними чёрный, лаково-блестящий вороний клюв, и глубоко сидящие ягодки-глаза, и перья от них врзлёт.

Смотрит Мария и думает — маска не по размеру, а сердцем знает уже — никакая не маска. Мёртвая Бадб, женщина-ворона стоит под стеною дома, стучит когтями в окна, не каркает — скрипит, и ветер бушует вокруг неё. Она поднимает к Марии маленькие блестящие глаза, говорит, губы и клюв двигаются вместе, жутко и страшно, и к женскому низкому голосу примешивается воронье карканье:

— Открой дверь, Мария.

И:

— Впусти меня в мой дом, Мария.

И:

— Спаси мою дочь, Мария.

Крест падает со стены.

Она входит — чёрная, ледяная, нездешняя, руки её пусты. Стоит в дверях и твердит:

— Помоги мне, Мария.

И:

— Спаси мою дочь, Мария.

Мария уже не слышит, взбегает по лестнице, подхватывает лампу со стеллажа, зажигает трясущимися руками. В комнате Бригитты тихо и пыльно, словно не час назад она ушла, а исчезла, растаяла со смертью матери. Пахнет ягодами, травами и бедой, серебряный крест

ЖЕНА МОЕГО ОТЦА

почернел. Мария поднимает его, и тёмные вязкие капли стекают по металлу, лужицей собираются на столе.

Кровь.

Мария оборачивается, и женщина-птица уже стоит за её спиной, всё так же в дверях, не переступив порога комнаты.

— Спаси мою дочь, Мария.

Мария сжимает крестик падчерицы, липкая холодная кровь пятнает пальцы.

Сегодня канун Дня Всех Святых, сегодня мёртвые выходят говорить с живыми, обнимать живых, убивать живых. У Марии ладони холодеют от страха, сердце заходится в тоскливой аритмии — где юная Бригитта, что с нею стало, раз даже мёртвая мать явилась за помощью к живой мачехе?

Грех — якшаться с тёмными духами и мёртвыми ведьмами, но оставить ребёнка в беде — грех куда больший.

— Веди меня, — шепчет Мария, и Бадб исчезает.

Крест Бригитты Мария надевает поверх своего, и плотная белая блуза на груди тут же пропитывается кровью, пятно растекается по ткани, словно от выстрела, от безжалостного удара. На плечи — плащ, прикрыть домашнюю одежду, в карманы — пироги и леденцы: откупиться от духов, швырнуть им в лицо подачку, чтоб успеть проскользнуть мимо. Пока она собирается, Бадб постоянно рядом, то в коридоре, то снаружи, за окном, то за спиной, в гостиной, где ещё тлеют угли в камине. Исчезает и появляется, неподвижная, и всегда, всегда за порогом комнаты.

Мария сбегает по крыльцу, мимо тыков с погасшими свечами, мимо оборванных гирлянд и разбитых цветочных горшков. Ветер бросает в лицо сухие ли-

